

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ СЕТЕЙ

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Мальшеева Галина Анатольевна, научный сотрудник
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5
E-mail: lamaga2007@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о трансформации политических отношений в условиях цифросетевой реальности. Рассмотрено развитие общества с точки зрения сетевых аспектов, выделяя при этом роль цифровых технологий в процессах сетевизации. Цифровые онлайн-сети трактуются ими как неотъемлемая часть совокупного политического пространства. Затрагивается проблема диалектической взаимосвязи между онлайн-новым и физическим миром политики, в том числе применительно к российским реалиям. Показано, как цифровые сети видоизменяют основные элементы политических отношений: собственно субъекты политических отношений, характер взаимодействий между ними, а также их видение предмета политических отношений – вопросов власти, государственного и общественно-политического устройства. Заостряется внимание на том, каким образом эти изменения вписаны в контекст постсовременного общества, включая такие его характеристики, как изменчивость социальных форм, постфактичность и дефицит социокультурной целостности. Учитывая тренд на роботизацию цифровых сетей, в качестве дискуссионного предлагается подойти к вопросу о субъектности искусственного интеллекта в политических отношениях постмодерна. Подчеркивается, что продуцируемые указанными трансформациями риски и неопределённости актуализируют проблему профессиональной оценки политического измерения технологического прогресса.

Ключевые слова: политические отношения, сетевое общество, цифровые технологии, цифровые сети, социальная общность, искусственный интеллект, постсовременность, постфактичность, цифровое кочевничество, политическое измерение технологического прогресса

POLITICAL RELATIONS IN THE DIGITAL NETWORKS CONTEXT

Mikhaylenok Oleg M., D. Sc. (Policy), Professor
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 116218, Russian Federation
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Malysheva Galina A., Researcher
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 116218, Russian Federation
E-mail: lamaga2007@yandex.ru

The article is dedicated to the transformation of political relations amid digital network reality. The authors consider the development of society from the point of view of its network aspects, highlighting the role of digital technologies in the networking processes. Digital online networks are interpreted by them as an integral part of the aggregate political space. The problem of the dialectical relationship between the online and the physical world of politics, also in relation to the Russian reality, is addressed. It is demonstrated how digital networks modify the main elements of political relations: the actual subjects of political relations, the nature of the interactions between them, as well as their vision of the subject of political relations – the questions of power, governmental and socio-political order. The paper focuses on how these changes are integrated into the context of a post-modern society, including its characteristics such as the variability of social forms, post-facticity and the lack of sociocultural integrity. Considering the trend towards the robot automation of digital networks, it is proposed to approach the subjectivity of artificial intelligence in postmodern political relations as a debating point. The authors emphasize that the risks and uncertainties produced by these transformations make the problem of professional assessment of the technological progress political dimension relevant.

Keywords: political relations, network society, digital technologies, digital networks, social community, artificial intelligence, postmodernity, post-facticity, digital nomadism, political dimension of technological progress

Возникающие в эпоху постмодерна формы общественного бытия требуют инновационных подходов и моделей для их осмысления, новых методологий научного анализа. Исследователи отмечают, что повсюду в мире неоднозначные политические процессы тесно взаимосвязаны с турбулентным характером социальных трансформаций [1, с. 15]. Задумываясь о генеалогии тектонических сдвигов в социальной ткани общества, мы должны констатировать ключевую роль прогресса технологий, который на своём новом, цифровом витке коренным образом видоизме-

няет среду существования человека. Иначе говоря, мы ежедневно являемся свидетелями того, как цифровая технологическая революция конвертируется в турбулентность социума, и делаем лишь первые шаги к идентификации механизмов и закономерностей этого процесса.

Сложный, переменчивый, неопределённый характер актуального этапа социального бытия диктует потребность как в поиске гибридных методов его изучения, так и в междисциплинарности и нестандартности исследовательских практик. По словам С. А. Кравченко, общество наших дней «нельзя “вылечить” традиционными, рационально-прагматическими средствами, подходы к новым уязвимостям ещё предстоит разработать, опираясь на интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук» [13, с. 9].

Одним из таких подходов может служить анализ социально-политических трансформаций с точки зрения развития сетевого общества во всём многообразии его проявлений, включая информационно-цифровой аспект. Цифровые технологии, а именно повсеместное распространение цифровых средств массовой коммуникации, мультиплицируют сетевые социальные эффекты и модифицируют практически все сферы общественной жизни. На актуальном этапе технологическая составляющая является главной качественной характеристикой сетевого развития, и на этом основании мы рассматриваем современное сетевое общество в первую очередь всего как общество цифровой сетевизации.

По мере совершенствования передовых технологий робототехники порождаемый ими мир онлайн-коммуникаций не просто служит дополнением миру реальных человеческих взаимосвязей, но начинает успешно конкурировать с ним. Исследования показывают, что виртуальные, симулированные машиной межличностные контакты становятся для людей экзистенциально более значимыми, чем живые, «внецифровые» человеческие взаимоотношения [25]. Пока неизвестно, насколько далеко под воздействием технологических инноваций зайдёт коррозия коммуникативной среды человека, однако уже можно утверждать, что в цифросетевом обществе они напрямую вмешиваются в гуманитарную сферу, представляя собой не только техническую, но и гуманитарную проблему. Таким образом, само развитие человечества на нынешнем историческом этапе приобретает гибридный, техносоциальный характер.

Правомерно также допустить, что, подобно многим другим, область политических отношений под влиянием факторов, связанных с функционированием виртуальных цифровых сетей, претерпевает ряд существенных изменений, и есть основания говорить о «технополитическом» характере общественного развития. Сегодня цифровые сети играют всё более заметную роль в таких сферах, как реализация властных и управленческих функций, конструирование публичной политики, организация электорального процесса, формирование новых моделей политического участия и т. д. Большинство традиционных институтов политической системы продублированы цифросетевыми аватарами, на которые возлагается выполнение виртуализированной части их функций. По мнению С. Н. Пшизовой, в наши дни цифровые каналы сетевой коммуникации не просто являются техническим инструментом политики, но приобретают в ней формообразующую функцию и служат организационной базой для нового этапа массовой политической мобилизации [18, с. 757–763].

Следует заметить, что в современных общественных науках не выработано единой дефиниции для такого понятия, как «политические отношения». Различные области гуманитарного знания, предлагая его толкование, делают акцент на нюансах, релевантных с точки зрения их собственного предметного поля. Между трактовками политических отношений наблюдаются и существенные расхождения, в частности, в «традиционных» определениях, сформулированных без учёта специфики постмодернового общества, как правило, подчёркивается классовая природа этих отношений [19, с. 358]. Кроме того, каждая из трактовок может быть оспорена по целому ряду критериев, включая конкретные виды и содержание политических отношений, характеристики их носителей, а также их место и роль в политической жизни общества [3].

Ввиду разночтений и вариативности имеющихся формулировок, за отправную точку мы возьмём определение политических отношений, которое предложено Н. М. Сиротой и Г. А. Мохоровым: «Политические отношения – это взаимодействие между социальными общностями, группами, гражданами и институтами по поводу власти, государственного устройства и управления обществом». Политические отношения, как подчёркивают авторы, «складываются в процессе реализации политических интересов и потребностей людей, действующих в конкретных пространственно-временных измерениях», «выражают взаимосвязи между

субъектами политики через власть» и «тем или иным образом определяют все остальные общественные отношения» [20, с. 33–34].

Данное определение привлекательно тем, что в нём чётко обозначены три основных элемента политических отношений: наличие субъектов (участников) политических отношений (социальные общности, группы, граждане и общественно-политические институты), наличие предмета политических отношений (вопросы о власти, государственном устройстве и управлении) и, наконец, третий элемент – наличие взаимосвязи и взаимодействия между субъектами политических отношений относительно их предмета. Что происходит с каждым из указанных элементов в обществе цифровой сетевизации? Претерпевают ли они изменения, обусловленные спецификой цифросетевого развития?

В вопросе о субъектах политических отношений в качестве исходного может служить тезис о том, что эпоха постмодерна предполагает качественное изменение сложившихся институциональных форм и традиционных моделей человеческого сосуществования. Одним из ключевых факторов этих изменений являются процессы всесторонней сетевизации и «оцифровки» общества.

В известном смысле участников виртуальных сетевых коммуникаций (пользователей всемирной сети Интернет) можно рассматривать как членов некоей социальной общности нового типа, которая своим появлением обязана передовым цифровым технологиям. Такую идею выдвигает, в частности, С. В. Бондаренко, указывая, что виртуальные сетевые сообщества обладают многими системными признаками социальных общностей, в том числе детерминированностью материально-технического базиса, структурированностью и взаимосвязанностью элементов, наличием внутренних иерархий, способностью к саморегулированию и стремлением сохранить свою целостность. Социальная общность киберпространства в целом носит глобальный и наднациональный характер, при этом составляющие её макросоциальные и микросоциальные виртуальные сообщества могут иметь национальную специфику и отражать особенности политических режимов своих стран [2].

С другой стороны, трактуя цифросетевые реалии как один из аспектов социальных трансформаций постсовременности, нельзя не учитывать, что постмодерн, в котором отвергается единообразие и господствуют плюралистичность, мозаичность и фрагментарность материальных и нематериальных форм бытия [5, с. 4], постепенно нивелирует роль признаков, определяющих принадлежность человека к большим общественным группам (классовым, этническим, социально-демографическим). Одновременно в нём возрастает значение таких индивидуализированных показателей социального и гражданского статуса, как совокупность персональных взглядов, предпочтений и жизненных установок, которые формируют стиль жизни человека и его отношение к ней. Многообразие идентичностей не в последнюю очередь связано с взрывным развитием технологий цифровой коммуникации, чрезвычайно эффективных в работе с локализованными адресными группами и отдельными интернет-пользователями, благодаря специфике принципа действия, который носит таргетизированный и персонализированный характер. Эта их особенность используется, в частности, в политическом маркетинге, построенном на анализе больших данных.

Надо заметить, что в наши дни в политических взаимодействиях, завязанных в виртуальной среде интернета, всё более востребованным становится такое порождение научного и технологического прогресса, как искусственный интеллект. Компьютерные программы, созданные по принципу нейронных сетей, которые имитируют деятельность человеческого мозга, активно используются для мониторинга интернет-контента и продвижения в виртуальной цифровой среде разнообразных политических идей, смыслов и установок. Так, например, разработанные специалистами центра цифровых технологий "SkyDigital" (г. Санкт-Петербург) нейронные модели способны анализировать политические взгляды пользователей социальной сети «ВКонтакте», а также строить электоральные прогнозы (достоверность которых подтверждена практикой) по различным городам и регионам России [16]. Известно также, что роботизированные программы-боты используются провластными и оппозиционными акторами для политически окрашенных информационно-сетевых вбросов. В частности, зафиксирован факт резкой активизации интернет-троллей («кремлеботов») в социальной сети Youtube, который имел место в ходе обсуждения проекта повышения пенсионного возраста в России. На пике активности пенсионную реформу упоминали в день около 58 тыс. раз (больше, чем события ЧМ по футболу), при этом основные тезисы комментариев полностью совпадали с доводами правительства [10].

Применение искусственного интеллекта не просто позволяет перерабатывать колоссальные объёмы сетевой информации, с которыми невозможно справиться традиционными

методами. Нейросети обучаемы, они обладают способностью усваивать полученный опыт и выполнять всё более сложные задачи. Компьютерные программы анализируют поведение пользователей и подбирают для них релевантный контент, тем самым формируя взгляды и предпочтения миллионов людей в интернете. Алгоритмы поисковых систем приобретают роль социального и политического регулятора. В цифровом пространстве искусственный интеллект подменяет функции человека, генерируя медийную информацию и выступая в качестве виртуального участника дискуссий. Он может распознавать пользователей по заданным программой признакам, проводить селекцию и определять целевые аудитории для оказания влияния и реализации пропагандистских задач. Как правило, подобного рода деятельность бывает особенно эффективной и политически окупаемой в периоды избирательных кампаний.

Разумеется, искусственный интеллект управляем и поддается (пока) человеческому контролю, однако потенциал этого технологического феномена не настолько предсказуем, чтобы продолжать считать его одним из инструментов на службе политики, и не более того. Нельзя игнорировать факт, что роботизация цифровых сетей может иметь весьма существенные и лишь условно прогнозируемые социально-политические эффекты, которые способны проявиться в ближайшем будущем. К тому же одной из главных тенденций постсовременности является вступление в активную политическую жизнь поколения «цифровых аборигенов» – молодых людей, «выросших и сформировавшихся в новом социокультурном и технологическом контексте» [21, с. 82], которые не мыслят свою жизнь без гаджета с доступом в социальную сеть и изначально встроены в модель сосуществования с машинным разумом.

Таким образом, цифровая модель политики подразумевает не просто рост удельного веса виртуального пространства в политической жизни общества, но и все большую роботизацию политического процесса. В свете сказанного идея о том, что искусственный интеллект можно причислить к субъектам политических отношений современного нам общества, уже сейчас имеет право на существование и не кажется совершенно фантастичной.

Вопрос о предмете политических отношений в специфическом цифросетевом контексте требует рассмотрения того, каким образом элементы виртуального социума позиционируют себя относительно проблем власти, государственного устройства и управления и как это сказывается на целостной картине общественно-политического развития, включая её онлайн- (цифровые) и офлайн- (физические) аспекты. В этой связи следует подчеркнуть, что виртуальный сетевой социум является неотъемлемой частью общего политического пространства и в глобальном, и в национально-государственном измерениях. Он вовлечён во взаимодействие по всему спектру политической повестки, как в пределах собственно цифровой среды, так и на её пересечениях с миром физической политической реальности. При этом цифросетевой социум одновременно выступает и как проекция общественно-политических реалий физического мира, и как источник обратного действия на сферу офлайн-политики, т. е. как один из важнейших факторов политических изменений. Проецирование в данном случае не равнозначно зеркальному отображению, поскольку онлайн-политическая среда, будучи в целом синхронизированной с офлайн-общественным развитием, обладает и собственной динамикой. В этом смысле показательна эволюция политического пространства Рунета.

Исторически сложилось так, что на первоначальных этапах российский сегмент интернета опережающими темпами осваивался пользователями, ориентированными на прозападно-либеральные идеи и ценности. В течение некоторого времени российские социальные медиа, да и Рунет в целом, считались зоной, свободной от государственного контроля. Именно тогда возникло расхожее выражение «партия интернета», которая противопоставлялась «партии телевизора», т. е. той части граждан, чьи взгляды, по мнению их оппонентов, формировались в узких рамках, очерченных властно-государственной пропагандой [14].

Однако вскоре произошла перегруппировка сил, и руководство страны перешло к полномасштабному использованию медийного и коммуникативного потенциала интернет-пространства, в полной мере оценив его перспективность с точки зрения реализации массового политического влияния. Хронологическими маркерами этого перелома считаются массовые оппозиционные акции 2011–2012 гг., а также знаковые события международной жизни, которые затронули ближнее зарубежье и обозначили новый уровень глобального противостояния, что, в свою очередь, вызвало заметные сдвиги в общественных настроениях россиян [9, с. 453–456]. Можно констатировать тот факт, что рост и усиление влияния провластно-патриотического сегмента Рунета и «делиберализация» онлайн-политической повестки

иллюстрируют собой консервативный дрейф, которым отмечено общественное развитие России последнего времени.

Сегодня российский цифровой социум ценностно и политически вполне тождествен физическому общественному пространству и достаточно адекватно отражает расстановку политических сил в стране, что подтверждается эмпирическими данными. Согласно уже упоминавшимся исследованиям "SkyDigital", процентное соотношение консерваторов и либералов в социальных сетях Рунета в целом соответствует данным, которые получены традиционными социологическими методами (примерно 20 % – либералы, 79 % – консерваторы в небольших городах России и 30 против 70 % – в её столицах) [4, с. 16]. Помимо прочего, это означает, что ценностный раскол, который разделяет российское общество на два взаимно оппонирующих лагеря, не ограничивается физическим социумом и проходит по фронтам виртуальной цифросетевой среды. Причём в цифровом политическом пространстве это противостояние принимает едва ли не наиболее ожесточённый и непримиримый характер. Виртуализация политической борьбы имеет своим следствием радикализацию её проявлений и характера. Адепты обоих лагерей не только конструируют свой особый «политически правильный» виртуальный мир, но и переносят его черты на мир физический, воспринимая всё происходящее в нём исключительно сквозь призму собственных взглядов [11, с. 119–120].

Достаточно распространённым является мнение, что цифровые социальные сети служат катализатором революционных выступлений и гражданских протестов, хотя в основе подобных социальных катаклизмов, безусловно, лежат факторы гораздо более фундаментального и объективного характера. Однако не исключено, что механизм идейной и политической поляризации социума непосредственным образом связан с характером сетевых взаимодействий, если воспринимать их как низовой (микро-) уровень общественно-политической жизни.

Межличностные политические взаимодействия в сетях обладают рядом особенностей, о чём, в частности, свидетельствует исследование американских социологов С. Коуэн и Д. Балдассарри. Как правило, в желании сохранить сетевые контакты, люди, общаясь друг с другом, стремятся не выходить за рамки тем, которые не вызывают радикальных разногласий. Они скрывают свои истинные взгляды от тех, с кем не согласны, в попытке избежать конфликта. В результате отдельные сетевые сообщества приобретают относительную идейную гомогенность, которая служит ограничителем политического дискурса. Обсуждению подлежат лишь незначительные, второстепенные вопросы повседневной повестки, тогда как проблемы, принципиальные для общественной жизни в целом, обходятся молчанием. Такая избирательность сетевого общения, вызванная стремлением минимизировать конфликты на политическом микроуровне, парадоксальным образом приводит к тому, что усугубляются коммуникативный вакуум и идейно-ценностное размежевание на макроуровне политики, повышая градус конфликтности в масштабах всего общества [24].

Кроме того, говоря о факторах, которые определяют видение ключевых политических вопросов в цифровых сетях, нельзя не упомянуть, что оно несвободно от целенаправленного воздействия со стороны не только национальных, но и глобальных игроков (центров и групп влияния), преследующих собственные интересы [17, с. 82–83]. Технологической базой такого воздействия являются программы сбора, обработки и анализа больших данных, а также программные продукты, которые обеспечивают внедрение в онлайн-среду политически ангажированного смыслового контента. Цифровой след, оставляемый каждым пользователем в сети, делает его легкодоступным объектом для манипулирования в рамках сценариев пропаганды и контрпропаганды, которые вписаны в общую картину мирового информационного противоборства. В этих условиях становится возможным эксплуатировать политическое многообразие национального цифросетевого пространства, продвигая заданные извне модели восприятия общественно-политических реалий. Контроль над ресурсами интернета позволяет глобальным акторам осуществлять перепрошивку идейно-ценностных координат граждан-потребителей сетевой информации, подменяя эндемичные смысловые политические установки экзогенными, и формировать альтернативную физическому миру национальной политики цифровую информационную повестку [6].

Изучение сетевого социума в подобном ракурсе приводит нас к вопросу о трансформации характера политических взаимодействий в цифросетевом контексте. Об особенностях таких взаимодействии между субъектами политических отношений можно говорить, принимая во внимание фактор гибридизации восприятия людьми политической реальности. Последняя

объясняется пересечением и взаимным наложением виртуального и физического, которым сопровождается повседневная жизнь и определяется сознание человека в условиях усложняющейся, турбулентной социальности. По словам С. А. Кравченко, современный социум «стал сложным, нелинейно развивающимся; для него норма – резкое увеличение неопределённости и парадоксов во всех сферах общественной жизни» [12, с. 6].

Гибридность, дуальность социальных актов и проявлений, как подчёркивает З. Бауман, служит доминантной характеристикой существования человека в эпоху постсовременности. Он пребывает в двух реальностях одновременно – онлайн-овой (виртуально-цифровой) и офлайн-овой (физической), причём онлайн-овое существование для него есть способ укрыться от проблем офлайн-ового мира. Однако это бегство несёт в себе новую угрозу – дегуманизацию человеческих связей в силу поверхностного, инструментального, символического характера общения в цифровых сетях, исчезновения его содержательной глубины, что ведёт за собой эрозию и утрату социальных навыков и кризис общественного взаимопонимания [15, с. 170–171].

Социальная и политическая коммуникация в наши дни разворачивается в контексте постфактичности, когда роль и влияние объективных фактов в общественном мнении минимизированы и полностью вторичны по отношению к информационному продукту – их предлагаемым интерпретациям. А. В. Глухова указывает на наличие в политическом мире симптомов «постфактической демократии», при которой «залогом политического успеха становится игнорирование фактов». В такой модели демократии не существует объективной базы для дебатов, политический ландшафт и формирование мнений отдаются на откуп цифровым и сетевым онлайн-медиа, а политическую повестку определяют большие холдинги – каналы и онлайн-платформы, игнорирующие правила профессионального фактчекинга (перепроверки фактов) [7, с. 71–72].

Невостребованность правды и смысловое обесценивание общественного дискурса, упакованного в «новояз» виртуальной сетевой среды, по мысли С. В. Чугрова, приводят к появлению «качественно нового феномена – искривленного политического информационного пространства», что, в свою очередь, чревато окончательной потерей доверия к ценностям, процедурам и институтам демократической системы, вплоть до «саморазрушения либеральной демократии». Одним из рисков подобной деформации является стирание грани между рациональным и иррациональным, виртуальным и реальным в политических практиках и в нарративе, что делает общественное развитие все менее предсказуемым [22, с. 54–55].

Заслуживает упоминания ещё один момент. «Текучесть» общества, о которой говорит Бауман, обусловлена ослаблением социальных связей, что вызывает «непрерывное и необратимое» изменение взаимного расположения общественных элементов. Неустойчивость, ситуативность межличностных контактов ведёт к тому, что дислокация людей в глобальном социуме перестаёт быть константой. Если современность, по словам учёного, заключалась в «разукоренении» людей и их «избавлении от обязательств» перед «доставшимися им в наследство» общественными структурами, то постсовременность лишает «разукоренённого» человека не только его связей с «корневым» субстратом, но и перспектив последующего прочного «переукоренения» на новом социальном поле [15, с. 163].

Подобное «разукоренение» индивидов в глобальном пространстве цифровых сетей ряд исследователей обозначает термином «цифровой номадизм» («цифровое кочевничество»), уподобляя сетевую модель социального контактирования наших современников образу жизни степных кочевников прошлого. При этом подчёркивается, что номады новейшего времени, подобно их гипотетическим предшественникам, исповедуют принцип экстерриториальности и не признают границ между национальными государствами и локальными общностями [23]. Парадигма сетевого кочевничества, с одной стороны, антагонистична властным иерархиям, с другой – акцентирует вопрос о взаимосвязи людей с социокультурным и политическим контекстом, который формирует сетевое окружение и воздействует на них ментально и идеологически. Сегодня стоит задуматься над тем, действительно ли цифровая мобильность человека подразумевает потерю его связей с «корневым» социальным укладом и политико-культурной средой, созданной поколениями его предков. Также имеет смысл подискутировать на тему об обоснованности представления о цифровых номадах как о носителях некоей новообразованной, свободной от истоков и корней, универсалистской идейно-ценностной идентичности.

Вписать этот и другие социальные феномены, характеризующие модель человеческого существования в сетевом обществе постмодерна, в обновленный каркас общественно-политических взаимодействий является вызовом для политической социологии наших дней.

Вышеизложенное задаёт определённые рамки изысканий, с помощью которых можно было бы преодолеть имеющиеся лакуны в анализе качественно новых явлений эпохи цифровой сетевизации. В этой связи первостепенная исследовательская задача видится в том, чтобы актуализировать вопрос о социальном измерении технологического прогресса. Не вызывает сомнения, что политология и политическая социология должны органически участвовать в формировании социальной оценки техники и научно-технического прогресса – принципиально новой междисциплинарной отрасли научного знания, необходимость которой обосновывает в своих трудах В. Г. Горохов [8], и оценивать последствия технологических эволюций и революций с учётом критериев, значимых для их предметного пространства.

Темпы и масштабы техносоциального развития опережают возможности общественных наук по осмыслению и концептуализации его многообразных социально-политических эффектов, не говоря уже о выработке механизмов практического вмешательства и регулирования сферы цифровых сетей. Отталкиваясь от представления о политическом в его традиционной, «доцифровой» трактовке, мы должны всесторонне оценить трансформационные риски и переосмыслить накопленные знания с учетом специфики и новизны цифросетевой реальности.

Список литературы

1. Баранов, Н. А. Влияние современных социальных трансформаций на формирование политической повестки дня / Н. А. Баранов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – Вып. 4. – С. 15–22.
2. Бондаренко, С. В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность / С. В. Бондаренко // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 12 (38). – С. 32–39.
3. Борисенков, А. А. О политических отношениях и их видах / А. А. Борисенков // Социодинамика. – 2013. – № 7. – С. 141–167.
4. Бызов, Л. Г. Идеиные расколы и президентские выборы 2018 года (по результатам исследований ИС РАН И ВЦИОМ) / Л. Г. Бызов // Россия XXI. – 2018. – № 3. – С. 6–21.
5. Волков, В. Н. Постмодерн и его основные характеристики / В. Н. Волков // Культурное наследие России. – 2014. – № 5 (2). – С. 3–8.
6. Володенков, С. В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления / С. В. Володенков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 57–69.
7. Глухова, А. В. Постфактичность как она есть: кто защитит реальность? / А. В. Глухова // Политика постправды в современном мире / под ред. О. В. Поповой. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2017. – 282 с.
8. Горохов, В. Г. Оценка техники как прикладная философия техники и новая научно-техническая дисциплина / В. Г. Горохов // Гений Шухова и современная эпоха. – Москва: Московский гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана, 2015. – С. 241–249.
9. Интернет и идеологические движения в России / под ред. Г. Никопорец-Такигава и Э. Паина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с.
10. Интернет-тролли начали хвалить пенсионную реформу. – Режим доступа: <https://thebell.io/internet-trolli-nachali-hvalit-pensionnuu-reformu/?ref=tjournal.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ. (Дата обращения: 10.06.2019).
11. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола / С. В. Володенков [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 5. – С. 113–135.
12. Кравченко, С. А. К итогам X конференции ЕСА / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2012. – № 3 (335). – С. 6–13.
13. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.
14. Крашенинников, Ф. Партии интернета больше нет / Ф. Крашенинников // Ведомости. – 2014. – № 132 (3636).
15. Кристалл, Э. Когда обрываются связи: интервью с Зигмунтом Бауманом / Э. Кристалл, А. Де Бовер, О. А. Оберемко // Социологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 156–176.
16. Математическая модель электоральных предпочтений в социальных сетях. – Режим доступа: <https://skydigital.pro/sociology>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 10.06.2019).
17. Михайленок, О. М. Политические эффекты социальных сетей в России / О. М. Михайленок, Г. А. Малышева // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 78–87.
18. Пшизова, С. Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе / С. Н. Пшизова // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. – Москва: Университетская книга, 2019. – С. 757–763.
19. Российская социологическая энциклопедия / под общ. Ред. Г. В. Осипова. – Москва: Норма-Инфра, 1998. – 672 с.
20. Сирота, Н. М. Основы политической науки / Н. М. Сирота, Г. А. Мохоров. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2018. – 213 с.

21. Соловей, В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде / В. Д. Соловей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – № 1. – С. 81–87.
22. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59.
23. Шляков, А. В. Номадизм сетевого общества постмодерна / Шляков А. В. // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. – № 6. – С. 28–30.
24. Cowan, S. "It could turn ugly": Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception / S. Cowan, D. Baldassarri // *Social Networks*. – 2018. – Vol. 52. – P. 1–17.
25. Turkle, S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011. – 384 p.

References

1. Baranov N. A. Vliyanie sovremennykh sotsialnykh transformatsiy na formirovanie politicheskoy povestki dnya [Influence of modern social transformations on formation of the political agenda]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6 "Political science. International relations"], 2016, iss. 4, pp. 15–22.
2. Bondarenko S. V. Sotsialnaya sistema kiberprostranstva kak novaya sotsialnaya obshchnost [Social system of cyberspace as a new social community]. *Nauchnaya mysl Kavkaza. Prilozhenie* [Scientific Thought of Caucasus. Supplement], 2002, no. 12 (38), pp. 32–39.
3. Borisenkov A. A. O politicheskikh otnosheniyyakh i ikh vidakh [On political relations and their types]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2013, no. 7, pp. 141–167.
4. Byzov L.G. Ideynye raskoly i prezidentskie vybory 2018 goda (po rezultatam issledovaniy IS RAN i VTsiOM) [Ideological splits and presidential elections of 2018 (based on the results of research of ISRAS and VCIOM)]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2018, no. 3, pp. 6–21.
5. Volkov V. N. Postmodern i ego osnovnye kharakteristiki [Postmodern and its basic characteristics]. *Kulturnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 2014, no. 5 (2), pp. 3–8.
6. Volodencov S. V. Tekhnologii manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem v internet-prostranstve kak instrument politicheskogo upravleniya [Technology manipulation of public consciousness in the internet space as a tool of political control]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX* [Political Expertise: POLITEX], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 57–69.
7. Glukhova A. V. Postfaktichnost kak ona est: kto zashchitit realnost? [Post-truth politics in the modern world]. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2017, 282 p.
8. Gorokhov V. G. Otsenka tekhniki kak prikladnaya filosofiya tekhniki i novaya nauchno-tekhnicheskaya distsiplina [Evaluation of technology as an applied philosophy of technology and a new scientific and technical discipline]. *Geniy Shukhova i sovremennaya epokha* [The genius of Shukhov and the modern era]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2015, pp. 241–249.
9. *Internet i ideologicheskie dvizheniya v Rossii* [Internet and ideological movements in Russia]. Ed. by G. Nikiporets-Takigava, E. Pain. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 480 p.
10. *Internet-trolli nachali khvalit pensionnyuyu reform* [Internet trolls began to praise the pension reform]. Available at: <https://thebell.io/internet-trolli-nachali-hvalit-pensionnyuyu-reformu/?ref=tjournal.ru> (Accessed: 10.06.2019).
11. Informatsionno-tekhnologicheskoe proektirovanie politicheskikh tsennostey v rossiyskom segmente internet-prostranstva: materialy kruglogo stola [The Information-Technology Design of Political Values in the Russian Segment of Internet Space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12 "Political Science"], 2014, no. 5, pp. 113–135.
12. Kravchenko S. A. K itogam X konferentsii ESA [To the results of the X ESA conference]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 3 (335), pp. 6–13.
13. Kravchenko S. A. "Normalnaya anomiya": kontury kontsepcii ["Normal anomie": outline of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 8, pp. 3–10.
14. Krashennnikov F. Partii interneta bolshe net [Internet party is no more]. *Vedomosti* [Vedomosti], 2014, no. 132 (3636).
15. Kristall Ye., De Bover A., Oberemko O.A. Kogda obryvayutsya svyazi: Intervyu s Zigmuntom Baumanom [Disconnecting acts: an interview with Zygmunt Bauman]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2017, no. 1, pp. 156–176.
16. *Matematicheskaya model elektoralnykh predpochteniy v sotsialnykh setyakh* [Mathematical model of electoral preferences in social networks]. Available at: <https://skydigital.pro/sociology> (Accessed: 10.06.2019).
17. Mikhaylenok O. M., Malysheva G. A. Politicheskije efekty sotsialnykh setey v Rossii [Political effects of social networks in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 2, pp. 78–87.
18. Pshizova S. N. Digitalno-oposredovannoe politicheskoe uchastie v sravnitelnoy perspective [Digitally-mediated political participation in a comparative perspective]. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy* [Public administration of the Russian Federation: challenges and prospects]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp. 757–763.
19. *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Ed. by G. V. Osipov. Moscow, Norma-Infra Publ., 1998, 672 p.
20. Sirota N. M., Mohorov G. A. Osnovy politicheskoy nauki [Fundamentals of political science]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2018, 213 p.

21. Solovey V. D. Osobennosti politicheskoy propagandy v tsifrovoy srede [Features of political propaganda on digital platforms]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2018, no. 1, pp. 81–87.

22. Chugrov S. V. Post-truth: transformatsiya politicheskoy realnosti ili samorazrushenie liberalnoy demokrati? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2017, no. 2, pp. 42–59.

23. Shlyakov A. V. Nomadizm setevogo obshchestva postmoderna [The nomadism of network society of the postmodernity]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2015, no. 6, pp. 28–30.

24. Cowan S., Baldassarri D. "It could turn ugly": Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception. *Social Networks*, 2018, vol. 52, pp. 1–17.

25. Turkle S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. New York, Basic Books, 2011, 384 p.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Нечай Владислав Николаевич, аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4

E-mail: well95well@rambler.ru

Вопросам исследования категорий «пространство» и «территория» посвящено достаточно большое количество научных работ и учебных дисциплин. Особое значение при изучении понятия пространственного развития играет мультидисциплинарный подход в рамках гуманитарных наук. Так, рассматриваемым категориям уделено внимание в регионалистике, экономике, географии, страноведении, этнографии и других смежных науках. Отдельную значимость при изучении подходов к исследованию пространства представляет политологический анализ, при помощи которого представляется возможность проанализировать и сравнить существующие стратегии и методы теоретического осмысления пространственного развития. Цель статьи – рассмотрение ключевых работ и авторов, связанных с изучением вопросов пространственного развития России в период с конца XIX по XX в.

Ключевые слова: пространство, территория, развитие, социально-экономический, план, стратегия, география, производство, хозяйство, территориальный принцип

AN ISSUE OF RESEARCHING AND FORMING TERRITORIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Nechay Vladislav N., postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

build. 4, 27, Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119192, Russian Federation

E-mail: well95well@rambler.ru

There is a number of scientific publications and studies, which are dedicated to categories such as "state space" and "territory". Multidisciplinary approach in a framework of human sciences plays another significant role in researching territorial development. Hence, these categories can be researched within regional studies, economy, geography, regional geography, ethnography and other similar studies. Political analysis gives an opportunity to investigate features of territorial development, which makes possible to analyze and compare recurrent strategies and methods of researching territorial development. The goal of this article is to find out the main content of scientific publications of Russian scientists, which concern an issue of territorial development of Russia in the end of XIX–XX centuries.

Keywords: state space, territory, development, social and economic, plan, strategy, geography, industry, household, territorial principle

Особая специфика изучения территориального развития России конца XIX в. во многом основывалась на принципах пространственной экономики и описательных методов. По большей мере на это влияло следующее: а) экономическое районирование, включая природно-географические характеристики, при помощи которых можно было выявить предварительный экономический потенциал; б) государственная мотивированность исследования территорий, стремление выявить причины и механизмы воздействия для формирования идеальных условий для освоения пространства; в) преобладание практических исследований, фрагментарность теоретических знаний и дефицит систематики, а также слабая развитость национальных исследовательских школ.

Значительное влияние на становление российской исследовательской школы оказал сам характер научной деятельности. Если в англосаксонской системе исследования проводились в университетах, то в отечественной – усилиями Императорской Академии наук. Здесь